

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

ФОРМЫ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1917-1920-Х ГОДАХ

Статья посвящена феномену протестного поведения адыгского (кабардинцы, черкесы, адыгейцы) крестьянства в период институционального формирования советской социально-политической системы. Автор рассматривает формы протестного поведения, его цели и конкретные результаты, особенности социально-политических представлений адыгов, гендерные аспекты протестной активности адыгского крестьянства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 29-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 63.3(2)61

Статья посвящена феномену протестного поведения адыгского (кабардинцы, черкесы, адыгейцы) крестьянства в период институционального формирования советской социально-политической системы. Автор рассматривает формы протестного поведения, его цели и конкретные результаты, особенности социально-политических представлений адыгов, гендерные аспекты протестной активности адыгского крестьянства.

Ключевые слова и фразы: адыги; крестьянство; власть; идеология; политика; протестное поведение; слухи; политическое сознание.

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, к. ист. н.

Отдел Кавказа

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Российская академия наук

anchabadze@list.ru

ФОРМЫ ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1917-1920-Х ГОДАХ[©]

В историографии последних десятилетий значительное внимание было уделено изучению форм крестьянского протеста в первые годы Советской власти. Не привлекавшая до этого (по понятным причинам) внимания исследователей, данная проблема открыла новые грани в наших представлениях о реальных социально-политических процессах, протекавших в советской деревне на начальном этапе социалистической модернизации.

В кавказоведческой литературе, посвященной народам Северо-Западного Кавказа, в частности адыгам (кабардинцы, адыгейцы, черкесы), эта проблема также нашла определенное освещение, однако преимущественный интерес исследователей был сосредоточен на таких крупных событиях, как, например, Баксанское восстание 1928 г. [3]. Между тем формы протестного поведения крестьян были различны, и более детальное их изучение является не менее важным направлением в крестьяноведческих исследованиях.

В рассматриваемый период протестные акции крестьян были связаны, прежде всего, с защитой своих экономических интересов. Перипетии революции и периода Гражданской войны ухудшили материальное положение сельского населения, поэтому недовольство вызывали те меры новых властей, которые еще больше ущемляли интересы сельчан. Крестьяне отстаивали свои экономические интересы разными способами. Одним из последних была подача в вышестоящие административные органы различных жалоб, прошений, петиций и др. Так, 14 октября 1920 г. из адыгейского селения (аула) Джиджихабль в адрес ревкома Майкопского отдела поступила бумага, в которой объяснялась непомерность разверсточных требований. Из документа следует, что джиджихабльцы уже внесли в разверсточный фонд положенный объем собранного урожая, однако их обязали дополнительно внести еще 900 пудов «разного зерна». Между тем жители этого адыгейского аула, «обследовав имеющиеся запасы, нашли, что пшеницы имеется 2 860 пудов, а другого разного зерна 6 600 пудов». Джиджихабльцы предупреждали, что даже «если от нас не возьмут пшеницу, то все-таки нам не хватит для засева 8 000 пудов и, кроме того, если разверстка будет взята целиком, то большинство сирот и вдов принуждены оставаться без куска хлеба и без весеннего посева». Сельчане просили ходатайствовать «перед Окпродкомом о сокращении разверстки до 3 000 пудов, дабы не заставить голодать и без того неимущих сирот и вдов, находящихся на нашем иждивении» [11, с. 165].

С большими трудностями столкнулись в кабардинском ауле Кенже. Так, обсуждая 6 октября 1920 г. предписание Нальчикского окружного продовольственного комитета «О доставке в счет годовой разверстки 20 голов крупного рогатого скота», местный Совет принял решение «возбудить ходатайство перед Нальчикским окружным исполкомом об отмене поставки рогатого скота в продовольственный комитет» [16, д. 18, т. 2, л. 111]. Но кенженцев не оставляли в покое. 21 октября того же года Совету вновь пришлось собраться, чтобы обсудить предписание районного нальчикского заготовительного пункта о доставке «хлеба в зерне 3 000 пудов, скота живого весом 200 кг, сена 2 600 кг, картофеля 1 000 кг, масла коровьего 20 кг, яиц 2 000 шт. и луку 500 пудов». Обсудив этот вопрос, Совет вновь удостоверился в обнищании кенженцев, у которых «не имеется таковых продуктов», а именно картофеля, масла и муки, а потому постановил «возбудить ходатайство перед Нальчикским окружным исполкомом об отмене поставок именно этих продуктов» [Там же, л. 121]. Очевидно, что сельский Совет решился на известное противостояние с областной властью, зная об истинном положении дел в селе и не без влияния со стороны основной массы отчаявшихся сельчан.

Пытаясь противостоять государственному грабежу, жители кабардинского аула Нижне-Курпского, собравшись 14 октября 1921 г. на общий сход, «обсудили вопрос относительно продналога на 21-22 годы». Направляя текст соответствующего приговора по инстанциям, аульчане обращали внимание вышестоящего начальства на то, что их «селение по урожайности относится к 4 разряду, несмотря на гибель в этом году урожая». Между тем в Нижне-Курпское зачастили разного ранга чиновники. Так, «приехали... по этому делу зав. Муртазовской заготконторой тов. Риттер и областной налоговый инспектор, которые требовали исполнения продналога». Через несколько дней в аул заглянул еще более высокий начальник – председатель Малокабардинского окружного

ревкома тов. Карашаев, «который тоже требовал сдать причитающиеся по продналогу продукты», стыдя сельчан тем, что продукты нужны для помощи голодающим и на нужды Красной Армии.

Нижнекурповцы пустились в объяснения. «В этом году, – писали они, – в нашем селении были посеяны преимущественно кукуруза и просо, но ввиду сильной засухи весной и летом этого года просо окончательно погибло и осталось необраным с полей, а кукуруза дала очень плохой урожай, даже нет никакого урожая, а выросли только стебли без кукурузы, которая годна только для корма скота, а ½ всего посева не дали абсолютно никакого урожая, даже трава на них не выросла. Уже 4 месяца жители нашего селения голодают, не имея хлеба для прокормления семьи и себя, а часть жителей разошлась по другим селениям – урожайным на заработки. Несмотря на все это селение наше отнесено к 4 разряду по урожайности и кроме фактического посева обложено еще также налогом».

Нижнекурповцы заверили начальство, что они не отказываются «прийти на помощь братьям голодающей России и Красной Армии», поэтому решили «дать 2 000 пудов кукурузы в качанах», а также «сдать все причитающиеся по налогу яйца, сено, мясо и кур и др. птиц». Одновременно аульчане просили учесть, что «кроме сказанного, наше общество не в состоянии выполнить ничего», потому ходатайствовали «снять продналог на кукурузу и просо кроме вышеуказанных 2 000 пудов» [13, д. 6, л. 11-12].

Формой крестьянского сопротивления можно считать факты сокрытия продуктов, а также утаивания от государственного ока различного рода экономической информации, в частности объектов, подлежащих налогообложению, и др. Об этом как о весьма тревожной проблеме говорилось, например, на I съезде Советов Адыгейской (Черкесской) АО (декабрь 1922 г.). Съезд призывал товарищей «к будущей продкампании отнестись серьезнее и изжить те ненормальности и шероховатости, доходящие до преступления, кои замечены в настоящую продкампанию». Преступлением, по мнению съезда, было «неточное показание количества земли, находящейся в пользовании, задержка с вывозом и сдачей налога» [11, с. 242-243]. Однако подобного рода «преступления» не удалось изжить и в последующие годы. Так, вопиющий случай сокрытия земли был выявлен в 1924 г. в адыгейском ауле Эдепсукай 1, где первоначально было показано всего 150 дес. посева, но после сверки пахотной земли с землеустроительными данными выяснилось, что «граждане аула показали лишь 1/3 часть своего посева», так как в их распоряжении находилось еще 300 десятин пахотной земли [10, д. 60, л. 63].

В декабре 1927 г. факты сокрытия посевов и сенокосных угодий были выявлены в кабардинских селениях Арик, Акбаш, Нижний Курп, Хамидие Мало-Кабардинского округа и в селении Жемтала Урванского округа. Такое поведение крестьян надо было как-то объяснить. В решении президиума облисполкома указывалось, что укрывателями были кулацкие хозяйства [Там же, л. 102]. Для официальной политической идеологии это был полный, исчерпывающий и все объясняющий ответ, как и для многих других случаев, как, например, для имевшего место в июле 1928 г. в кабардинском селении Урван. Здесь «по заявлению бедноты» у некоторых жителей было обнаружено «200 пудов пшеницы, 80 пудов кукурузы, 50 пудов проса». Как свидетельствовала газета «Карахалк», «долго упирался хлебовредитель, не хотел сдать хлеб» [цит. по: 2, с. 100]. Учитывая исторический контекст времени, дальнейшую судьбу «вредителя» можно предсказать с большой долей вероятности.

Формой крестьянского противостояния властной давлению можно считать распространенную практику сильного игнорирования распоряжений вышестоящего начальства. Характерно, например, что многие пытались отлынивать от разнообразных государственно-революционных обязанностей, которые возлагались на них местными властями. Так, организуя борьбу с «бандитизмом» (под этим наименованием в большинстве случаев имелось в виду скотокрадство), областные органы требовали от окружкомов и сельсоветов активной и действенной включенности в соответствующие мероприятия (в частности, преследование, пленение и препровождение «бандитов» в места предварительного заключения). Однако неоднократные грозные постановления и циркуляры исполнялись с трудом, а порой и просто игнорировались, заменялись имитацией действия.

В областных органах это не оставалось незамеченным. В циркуляре от 15 апреля 1924 г. ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области говорилось, что «из целого ряда донесений видно, что появившаяся в том или ином месте банда преследуется только до наступления темноты, а затем она оставляется в покое и может делать все что угодно». ЦИК пригрозил авторам донесений привлечением «к самой суровой ответственности» в том случае, если банды с наступлением темноты не будут преследоваться [17, д. 34, л. 18].

Однако в традиционном сознании сохранялось достаточно терпимое отношение к скотокрадству как своего рода молодечеству и удалству, особенно если действующими лицами были родственники, близкие односельчане и т.д. Соответственно, в случае конфликтных ситуаций с властью «бандитов» обычно скрывали, не выдавали, покрывали, всячески препятствовали проведению дознания и сыска. В то же время наблюдалось и недовольство, если те же лица или общины становились жертвами «посторонних» лиц, лишаясь вследствие их «молодечества» скота, имущества и т.п., однако дознание в этом случае старались проводить самостоятельно, вне рамок административно-милицейского сыска.

Гораздо большие социальные проблемы в крестьянском быту создавало ужесточение репрессивной политики Советского государства. Лавина арестов, судов и наказаний, административных высылки и др. акций, направленных на радикальное подавление возможных оппозиционных движений и настроений, породило ответное протестное движение крестьян, которые в 1920-е гг. еще могли организовывать солидарные общинные действия. Власти с неудовольствием это констатировали. Так, в партийных документах постоянно отмечалось, что черкесское население «остро реагирует» на проводившиеся репрессивные мероприятия, что, в частности, административные высылки привлекают «особенно большое внимание» черкесского населения. В Адыгейском обкоме отмечали, что «черкесское население в кулацкой своей части, группирующейся вокруг

духовенства, почетных стариков, отнеслось отрицательно к изъятию социально-опасных элементов, мешая работе своими многочисленными ходатайствами за отдельных бандитов и попытками давить в этом вопросе на местные Исполкомы через беспартийных членов облисполкома – черкес» [10, д. 60, л. 6 - 6 об.].

Имели место и более решительные акции со стороны крестьянства, проявившиеся в солидарных действиях по заступничеству за сообщинников. Так, 23 февраля 1921 г. председатель Дейского исполкома Хангирей Покажев распорядился арестовать Титу Темишева за его отказ «сдать на Муртазовский х/з пункт причитающиеся с него разверстки». Однако под напором жителей села самоуправный председатель был вынужден отменить свое распоряжение [13, д. 3, л. 7]. Это документально засвидетельствованное происшествие само по себе весьма показательно. Очевидно, что оно не было уникальным, а наоборот, вполне обыденным, но отразившим характерные черты политического быта того времени. При этом сам факт, что наказание в виде ареста, т.е. лишения свободы, мог налагать «чиновник» столь невысокого ранга, как председатель сельсовета, дает яркую характеристику политических нравов эпохи.

Порой солидарные действия крестьян ставили власти в весьма затруднительное положение. Так, в октябре 1920 г. начальник милиции 3 района Нальчикского округа информировал председателя ЦИК Кабардинской АО Бетала Калмыкова о чрезвычайном происшествии в селе Акбаш. Здесь был задержан «как шпион» акбашевец Пшеуков. В этом не было ничего экстраординарного, и вряд ли по этому поводу начальник раймилиции беспокоил бы «главу революционного порядка Кабарды», если не события, последовавшие вслед за арестом Пшеукова. «После его ареста, – писал начальник раймилиции, – бандиты с целью (*освободить – Ю. А.*) Пшеукова захватили в плен гражданина села Акбаш Муса Хусейнова, состоящего в родстве (брат жены) с председателем Малокабардинского исполкома Хаджи-Умаром Карашаевым». Взяв в заложники шурина высокопоставленного чиновника, акбашевцы поставили условием его освобождения немедленное освобождение арестованного Пшеукова. В противном случае, как с тревогой докладывал начальник милиции, «бандиты грозят лишить жизни пленного Мусу Хусейнова». Такой поворот событий, помимо прочего, грозил большими семейными неприятностями тов. Карашаеву, на котором «родственниками (*Хусейнова – Ю. А.*) запечатлена вся вина». Начальник милиции передал председателю ЦИК просьбу тов. Карашаева и его жены «об освобождении из-под стражи на поруки Пшеукова». Одновременно председатель милиции успокаивал «главу революционного порядка»: «Если Пшеуков будет нужен, то мы его представим позже, лишь по освобождении из плена Хусейнова» [16, д. 14, т. 3, л. 716 - 716 об.].

Документы фиксируют факты индивидуального сопротивления властям и обстоятельствам времени. Эмоциональные вспышки личностного протеста, как правило, обречены на поражение, однако в социально-политических условиях адыгского быта 1920-х гг. в ряде случаев имели положительный результат. При этом адыгам приходилось сопротивляться не только прессингу большевистской власти. Период господства белых также порождал формы протестного поведения.

Так, 19 апреля 1919 г. взвод всадников 4 Кабардинского полка во главе ротмистром названного полка прибыл в с. Муртазово «для реквизиции лошадей, сбруи и других предметов для нужд полка». Реквизиция была начата в том числе в доме Ахметхана Кокожева, которого власти не без оснований подозревали в симпатиях к большевизму. Составивший подробный отчет о происшедшем старшина селения Х. Муртазов скрупулезно описал последовательность событий. «Дойдя до двора Ахметхана Кокожева, ротмистр приказал запрягать (*его, т.е. Кокожева – Ю. А.*) лошадей. Вдруг выскакивает Кокожев с маузером в руках и заявляет, показывая на маузер: “Вот я вам покажу лошадей”». Ротмистр приказал его обезоружить, но Кокожев заявил: «“Я имею такое же право носить оружие, как и вы” и хотел застрелить ротмистра». Лишь по счастливой случайности последний остался жив. Тем временем мать и сестры Кокожева «схватили его и завели в комнату, после сего его уже не оказалось – он бежал задним ходом». «Все это произошло так быстро, что не успели его изловить», – сокрушался старшина и, продолжив описание, рассказал о «возмутительном» поведении матери и сестер Кокожева, которые «в лицо помощнику (*старшины – Ю. А.*) Адальби Накову сказали: “Ты, клоун Муртазовых, приходишь к нам в дом и ничего не находишь. Посмотрим, как в недалеком будущем мы вас не так перевернем”». Тем временем Х. Муртазов распорядился принять меры к розыску бежавшего Кокожева. Для более быстрого его обнаружения старшина просил людей, присутствовавших на сборе, помочь в розыске. «Но холодность последовала мне в ответ», – писал старшина. Далее он предположил, что «в данное время они имеют, как видно, большую слабость к большевикам, доказав это тем, что не содействовали мне в розыске бежавшего Кокожева, большевика-агитатора» [4, с. 336-337].

Однако большевистская действительность порой также не оставляла крестьянам иной альтернативы, как выразить доступными действиями свой индивидуальный протест. Так, в описанном выше происшествии с Титу Темишевым была своя предыстория. Распорядившись арестовать этого должника по продразверстке, председатель исполкома потерпел неудачу, так как Темишев при задержании оказал сопротивление. Он «обнажил кинжал против моих заместителей, – жаловался председатель, – бежал» [13, д. 3, л. 7]. Вдобавок сообщинники, узнав, какая беда нависла над Титу, явились в исполком, требуя прекратить преследования своего соседа. Как уже говорилось, председатель был вынужден отменить приказ о его аресте.

Или другой случай, также сохранившийся в документальном архивном описании. Так, считавшийся «контрреволюционером» Магометгирей Хапцев решил не сдаваться, узнав о том, что отдан приказ о его аресте. Он «нанял 60 человек ингушей и поклялся без боя не сдаваться», а у посланных представителей власти «не было достаточной силы для приведения поручения Совета в исполнение» [4, с. 187].

1920-е гг. породили своеобразные формы женского сопротивления, особенно в случаях, связанных со «страшными» для женского сознания нововведениями Советской власти. Так, настойчивые попытки новых руководителей мобилизовать женщин на различного рода курсы, семинары и т.п., отправить их с просветительскими целями в окружцентры, учебные городки и др., что с необходимостью предполагало выезд за пределы села, наткнулись на стойкое сопротивление и нежелание женщин подчиниться новым соблазнам эпохи. Соответствующие мобилизационные кампании 1920-х гг. часто завершались неудачей, а на спускаемые сверху разнарядки сельские власти были вынуждены конфузливо сообщать о невыполнении поставленных перед ними ответственных задач. При этом неуклюжие объяснения причин – «нет девушек подходящего возраста», «затруднительно ввиду заканчивания осенних домашних работ», «по семейным причинам оторваны от дома быть не могут» и т.п. – скрывали активное неприятие женщинами навязываемых новых поведенческих норм [17, д. 8, т. 2, л. 205].

В то же время бывали случаи, когда наборы курсанток в Нальчикский учебный городок производились насильственно и девушек привозили туда против их воли, лишь под давлением председателя сельсовета, которому надо было исполнять директивы начальства. Девушки проявляли силу воли и объявляли голодовку, «случалось до недели» [8, д. 1019, л. 35].

«Забитые», «отсталые», как их аттестовала советская пропаганда, адыгские женщины показывали образцы стойкости и мужества в отстаивании своих интересов, если те были грубо и насильно попраны. Так, массовые выступления женщин имели место в 1928 г. в Адыгее. В риторических тропах того времени партийные власти утверждали, что во всем виновны кулачество и духовенство, которые, «воспользовавшись нашими затруднениями, фанатизмом женщин-черкешенок», натравили их на Советскую власть, втянули «в контр-революционную авантюру, заставляя выступать с демонстрацией против хлебозаготовок, займа, землеустройства (что имело место в ауле Блечепсин) или под видом защиты религии против советской школы, ясель, латинизации (аул Егерухай)» [9, д. 2271, л. 32].

В Отчетном докладе Адыгейского обкома ВКП(б) к V партийной конференции говорилось: «В результате кулацких влияний и слабости нашей массовой работы настроения женских масс, особенно в аулах, недостаточно устойчивы. В большинстве аулов Псекупского и Красногвардейского районов и некоторых других населенных пунктов области имели место резкие выступления женщин против коллективизации, попытки разделаться с некоторыми работниками, устройство самочинных собраний, демонстраций. Были организованы женские походы из аула Тахтамукай в город и из аула Адамий в райцентр. В некоторых колхозах женщины разбирали лошадей из конюшен (Афисип, Саратовский). Усиление разъяснительной работы, вовлечение черкешенки в производственную деятельность с достаточной оплатой за трудодень вносит в женские массы успокоение» [Там же, д. 2272, л. 3, 4].

Власть, особенно в первые советские годы, подвергалась открытой критике, что в карающих органах квалифицировалось как «антисоветская агитация». Понимая, сколь явную угрозу незыблемости власти представляет свободное общественное мнение, большевики целенаправленно преследовали любое свободомыслие, любую попытку иметь собственное суждение. Объявляя приказом от 26 марта 1918 г. о введении военного положения, главнокомандующий революционными войсками Майкопского отдела объявил, что, наряду с прочим, воспрещается «агитация, направленная против Советской власти, распространение ложных слухов, извращение сообщений о происходящих событиях с целью внести смуту в население и подрыва доверия к избранным в Совет лицам, а также и ко всем демократическим органам» [11, с. 101].

Архивные документы содержат немало дел, которые свидетельствуют о широко распространенных в адыгской среде критических настроениях. Так, в селении Куденетово специальным постановлением сельского схода 12 июля 1918 г. было отмечено поведение Асланбека и Мажида Шатовых, «сеющих смуту среди населения и идущих против советской народной власти» [15, д. 5, л. 17]. При этом Мажид Шатов говорил, что «советская власть состоит из бесштаных босяков, ведет к нищенству все население Терского области и... что якобы части горных и Зольских пастбищ участков селения Куденетово отрезаны и переданы для пользования горцам и теми же частями общество наше лишено права пользоваться». Про Асланбека Шатова было сказано, что он «ведет пропаганду среди населения против большевиков и народной советской власти... желал успеха казакам над большевиками, и по взятии власти казаками, говорил он, будет много перебито кабардинцев, идущих с большевиками, чему он будет рад» [Там же, л. 21, 22].

Властей эти слухи беспокоили, и реакция на них была достаточно типичной. Так, 19 апреля 1920 г. Нальчикский окружной ревком издал предписание, в котором говорилось, что «по полученным сведениям в селениях округа оставшаяся неблагонамеренная часть населения распускает провокационные слухи и всячески дискредитирует Советскую власть. Революционный комитет призывает все трудящееся население строго стоять на страже интересов трудящихся и Советской власти, а лиц, занимающихся противосоветской агитацией и распускающих провокационные слухи, арестовывать и при протоколах дознания под охраной препровождать в административный отдел окружного революционного комитета для предания их суду» [4, с. 440].

Однако слухи ширились, плодились, распространялись, тайно передавались друг другу, становясь общеизвестной «истиной». Так, много было слухов о скором конце Советской власти. Газета «Красная Кабарда» даже поминала о некоем мулле, который верил, что «советская власть исчезнет еще до байрама» [6]. Маткери Гендугов также во всеулышание заявлял своим односельцам, что Советская власть «долго существовать не может» [17, д. 31, л. 2 об.]. Вообще ожидание скорого конца Советской власти было очень распространенным слухом. Исчезновение «Советов» ожидали с нетерпением, так как это сулило немалую выгоду. Так, в 1923 г. ГПУ зафиксировало, что «контрреволюционный элемент» распускал слух, который упорно циркулировал

среди кабардинцев, в частности, о том, что «Гаагская конференция должна была ликвидировать власть советов, и вследствие этого продналога сдавать не надо, так как после падения советов неплательщики останутся все равно безнаказанными». Отметив эти факты, ГПУ тут же подстраховалось, объяснив, что данные слухи – «частичная контрреволюционная агитация», распространяется «отдельными лицами из среды кулачества и бывших князей и носит индивидуальный неорганизованный характер» [12, д. 145, л. 45].

Новая власть несла много страхов для женщин – чисто женские. Так, жительница села Нартан Беканова поделилась своим беспокойством перед поездкой на какой-то пленум, куда она была увезена по очередной разверстке. По ее словам, «когда она ехала первый раз в Нальчик на какой-то съезд или пленум, то ей сказали, что в Нальчике как соберутся все делегаты, то в комнате потушат огонь, и тогда кто кому попадет, того и жена будет» [1]. Периодически возникали панические слухи, что «женщин-кабардинок распределят среди русских». Другой панический слух был связан с ожиданиями, что «будут отбирать детей» [8, д. 1019, л. 112].

При этом слухи, ожидания, догадки особенно быстро распространялись в период каких-либо кампаний, например выборов в Советы. Как правило, ожидали неких перемен, изменений, смены курса. В связи с распространявшимися слухами о новом налогообложении в специальном приказе ЦИК Кабардинской области, направленном окружным и сельским ревкомом, строго указывалось: «Учитывая контрреволюционное стремление лиц, распространяющих подобные вздорные слухи... облисполком приказывает всем сельским исполкомам и облмилиции арестовывать для предания суду за срыв продработы путем агитации всех лиц, уличенных в этом. Нелепые слухи, распространяемые отдельными лицами, о каких-либо дополнительных налогах есть контрреволюционное выступление», – подытоживал ЦИК [7].

Но население знало, что ничего хорошего от властей ждать не приходится. Любое мероприятие, любой новый приказ, новая директива, распоряжение и т.д. обычно обрастали очередными слухами, пересудами и толкованиями, которые часто оказывались пророческими. Власти знали об этом. Так, в специальном приказе ЦИК Кабардинской области было сказано, что «злонамеренным элементом распространяются провокационные слухи, что по выполнении населением единого налога будет объявлен налог дополнительный». «Экономических» слухов было очень много. Так, летом 1920 г. распространился слух о том, что советские денежные знаки десяти тысячного достоинства и другие будут аннулированы. Это вызвало небывалый ажиотаж, когда население стремилось поскорее сбыть с рук эти купюры. Положение оказалось столь серьезным, что стало угрожать финансовой стабильности, что вынудило облисполком выступить со специальным обращением, в котором население призывалось «не верить провокационным слухам, выгодным спекулянтам-паразитам и врагам трудовых масс». Облисполком пригрозил, что «против лиц, как распространяющих провокационные слухи об аннулировании советских знаков, так и отказывающих в приеме их, будут приняты самые строгие меры, как против провокаторов и врагов рабоче-крестьянской власти» [5, с. 310, 311].

В мае-августе 1925 г., когда виды на урожай не внушали опасений, крестьянство беспокоилось, что цены на хлеб будут низкие и налог трудно будет сдать в денежной форме. «В аулах было подавленное настроение, – отмечалось в партийных документах, т.к. ждали очень высокого налога по 10-15 руб. с десятины. Настроение это удалось резко изменить только вручением окладных листов» [8, д. 1013, л. 42].

Непомерные грабительские аппетиты власти вызывали отчаяние у крестьян. Скрывать эти чувства было невозможно. Так, ГПУ стало известно, что в октябре 1928 г. Кушхов Камин в доме своего соседа Кушхова Зулкарии, где присутствовали и другие граждане, вел «антисоветскую агитацию». Камин утверждал, что «Советская власть крестьян грабит», кроме того, он уверял своих слушателей, что «скоро будет восстание, и Красная Армия не пойдет за Советскую власть». Естественно, что в скором времени Кушхов Камин Шамаевич («41 лет (так в документе – Ю. А.), житель села Залукокоаже, кабардинец, середняк, не судимый, занимающийся хлебопашеством») был арестован [14, д. 276, л. 4].

Новая партийная линия «лицом к деревне» породила волну слухов, ожиданий и новых представлений. Несколько снизив накал идеологического наступления на «кулака», власти столкнулись с таким явлением, как размывание «классовой» линии в деревне. В отчете Кабардино-Балкарского обкома отмечалось, что в селениях ныне уверены в том, что «теперь нет кулаков, а есть лишь крепкий крестьянин-хозяин». Упоминалось, правда, что «эта агитация вызвала целую бурю негодования среди широких масс крестьянства». Однако данная приписка, скорее всего, выдавала желаемое за действительное, и большого негодования не наблюдалось, так как «парторганизацией данный момент был своевременно учтен и произведена соответствующая работа по разъяснению вопроса к рассеиванию создавшегося положения». Из этих фактов власти сделали вывод, что классовые враги «еще не сложили своего оружия и пользуются всяким удобным моментом» [8, д. 1919, л. 49]. Более того, в с. Безенги и Псыхурей дошло того, что «антисоветский элемент и духовенство лозунг “Лицом к деревне” объясняет: “коммунисты стали тихие, довольно диктаторства, народ знает, как править”» [Там же, л. 112]. Периодически появлялись слухи о том, что «коммунисты уезжают из СССР, куда-то скрываются» [Там же, л. 119].

Рассмотренный материал свидетельствует, что крестьянство не было безгласной, инертной массой, безропотно подчинявшейся диктату внедряемого большевиками нового социально-политического проекта. Отстаивая свои интересы, привычные устои хозяйственного и общественного бытия, крестьяне пытались воздействовать на власть. С одной стороны, это были попытки вступить с властью в диалог, опираясь на направляемые по инстанциям разного рода письменные обращения, прошения и т.д., с другой – солидарные действия, принимавшие форму коллективного или одиночного протеста против конкретных действий властей. Впрочем, по мере укрепления административно-политической системы колхозного строя и ужесточения репрессивной политики государства любые формы проявления недовольства и сопротивления в крестьянской среде были полностью пресечены.

Список литературы

1. В селе **Нартан** // Кабардино-Балкарская беднота (Карахалк). 1925. № 521.
2. **Гугов Р. Х.** Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Нальчик, 1961. 166 с.
3. **Дзуев Г. К.** Кровавое лето 1928-го. Нальчик: Эльбрус, 1997. 104 с.
4. **Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии: 1917-1922.** Нальчик: Эльбрус, 1963.
5. **За власть Советов в Кабарде и Балкарии:** документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области: 1917-1922. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957.
6. **Красная Кабарда.** 1922. № 48.
7. Там же. № 103.
8. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 16.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31.
11. **Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее: 1917-1923.** Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1980. 269 с.
12. **Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР).** Ф. Р-3. Оп. 1.
13. ЦГА КБР. Ф. Р-69. Оп. 1.
14. ЦГА КБР. Ф. Р-183. Оп. 1.
15. ЦГА КБР. Ф. Р-198. Оп. 1.
16. ЦГА КБР. Ф. Р-201. Оп. 1.
17. ЦГА КБР. Ф. Р-236. Оп. 1.

CIRCASSIAN PEASANTRY'S PROTEST BEHAVIOUR FORMS IN 1917 – THE 1920S

Yurii Dmitrievich Anchabadze, Ph. D. in History

Department of Caucasus

Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklai

Russian Academy of Sciences

anchabadze@list.ru

The author studies the phenomenon of the Circassian (Kabardian, Cherkess, Adyghe) peasantry's protest behaviour in the period of soviet social-political system institutional formation and considers the forms of protest behaviour, its objectives and concrete results, the features of the Circassians' social-political views and the gender aspects of the Circassian peasantry's protest activity.

Key words and phrases: Circassians; peasantry; power; ideology; politics; protest behaviour; rumours; political consciousness.

УДК 069.02:94(470)

В статье раскрываются проблемы построения экспозиций исторических музеев, посвященных современной политической тематике. Обозначены социокультурные предпосылки их появления, определены задачи, рассмотрены особенности построения экспозиций. Особое внимание уделено выявлению специфических черт музеев, в которых представлена современная политическая история.

Ключевые слова и фразы: исторический музей; музей современной политической истории; экспозиция; современное комплектование.

Ольга Александровна Божченко

Кафедра музеологии и культурного наследия

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

ol-bozh@yandex.ru

СОЗДАНИЕ НОВЫХ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ ПО ИСТОРИИ XX ВЕКА[®]

В условиях современной парадигмы гуманитарного знания успешная деятельность музея напрямую зависит от правильного определения методологических ориентиров его деятельности. Особую актуальность это утверждение имеет в отношении музеев исторического профиля. Присущая им роль носителя исторической памяти современного общества оказалась под вопросом в результате изменения прежней государственной идеологии. С распадом СССР и сменой государственной власти в России музеи этого профиля встали перед проблемой поиска самоопределения.

Из пропагандистов идеологических концепций власти подобные музеи должны были стать просветителями, воспитателями, хранителями исторической памяти народа. «Правопреемниками» музеев революции явились современные музеи политической истории, в которых отразились трагические и противоречивые